

⁷⁴ Там же. Вып. 6. Л., 1970. С. 50.

⁷⁵ Псковский областной словарь. Вып. 3. Л., 1973. С. 40.

⁷⁶ *Онищук А.* Родини і крестини // Матеріали до українсько-руської етнології. Т. 12. Львів, 1915.

⁷⁷ СРНГ. Вып. 5. Л., 1970. С. 329.

⁷⁸ Псковский областной словарь. Вып. 3. С. 67; *Кухарьонюк Т., Росінська З.П.* Родильна обрядовість на Поліссі // Народна творчість та етнографія. 1985. № 6. С. 47.

⁷⁹ СРНГ. Вып. 3. Л., 1968. С. 105; там же. Вып. 13. Л., 1977. С. 60; там же. Вып. 15. Л., 1979. С. 169; там же. Вып. 17. Л., 1981. С. 177; там же. Вып. 28. С. 50; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1817. Л. 3 (Ярославская губ.); там же; Словарь русских говоров Прибайкалья. Иркутск, 1987. С. 100; СРНГ. Вып. 28. С. 200; там же. С. 222; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1471. Л. 21 (Петербургская губ.); СРНГ. Вып. 20. Л., 1985. С. 268.

⁸⁰ СРНГ. Вып. 28. С. 48; там же. С. 200; Словарь русских говоров Новосибирской области. С. 188; Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983. С. 196.

⁸¹ СРНГ. Вып. 2. Л., 1966. С. 57; там же. Вып. 6. С. 50; там же. Вып. 9. Л., 1972. С. 185; там же. С. 199.

⁸² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 26. Л. 29 (Владимирская губ.)

D.A. B a r a n o v. «Unknown» Children (towards Characteristic of New-Born Child Image in Russian Traditional Culture)

The article analyses the popular notion on conception and uterine development of new-born in Russian traditional culture. The author comes to the conclusion of semantic identity between child's viability and his «identification» and in the broad sense between birth and knowledge.

© 1998 г., ЭО, № 4

М.Л. Бутовская, А.Г. Козинцев

АГРЕССИЯ И ПРИМИРЕНИЕ У ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА (ЭТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ КОНТРОЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ)*

Тема агрессии и конфликтов – одна из самых горячо дискутируемых в науках о человеке. Их роли на разных этапах антропосоциогенеза и функциям в жизни современного общества посвящены целые тома исследований психологов, конфликтологов, этнографов, антропологов, генетиков, физиологов¹. В данной статье мы хотим продемонстрировать возможности этологического подхода к анализу конфликтов и их разрешению в условиях внутригрупповых взаимодействий в коллективе (в качестве модели рассматривается группа младших школьников). В таком ключе это явление до сих пор в отечественной литературе не рассматривалось.

Применение современных этологических подходов и методов позволяет количественно оценить и описать разные формы социальных взаимодействий. В этом контексте данный подход представляется исключительно полезным в работе культурных антропологов. Хотелось бы особо подчеркнуть, что этология человека рассматривает поведение как результат взаимодействия его биологии и окружающей среды, прежде всего социальной². Предвидя традиционные критические замечания в адрес этологии,

* Авторы выражают глубокую признательность РГНФ (грант № 96-01-00032) за финансовую поддержку этих исследований.

заметим, что эта наука не направлена на установление прямой связи между поведением и его генетической основой и не занята поисками такого рода связи.

Поведение рассматривается как результат взаимодействия индивидуальных врожденных (не обязательно генетических) предпосылок и культуры. Этологические методы позволяют выявить как общие тенденции в проявлении той или иной формы поведения в условиях разных культур, так и культурно-специфические характеристики. Общечеловеческие поведенческие универсалии позволяют анализировать и реконструировать процессы эволюции человека, равно как и вычленять более общие закономерности, обеспечивающие успешное функционирование социальной структуры у человека или других видов высших приматов³. Кросс-культурные же различия анализируются этологами в целях выявления факторов, действующих на разных этапах онтогенеза, и оценки степени пластичности человеческого поведения.

Агрессивное поведение – одна из важнейших характеристик социальных систем. Оно во многом определяет не только структуру самой системы, но и прочность связей между особями, особенности их размещения в пространстве относительно друг друга, интенсивность общения с членами своего вида. Исследования последних лет, проведенные в группах разных видов приматов, показали, что следствием внутригрупповых конфликтов, вопреки традиционному представлению К. Лоренца⁴, часто является не пространственная дисперсия бывших соперников, а их более интенсивные по сравнению с нормой аффилиативные взаимодействия⁵.

Исследованию агрессивного поведения у детей посвящено много работ этологического направления⁶. В них приводится типология агрессивного поведения, оценивается связь агрессии с полом, социальным статусом, грубой игрой и др.⁷, показывается общее влияние окружающей среды на проявление агрессивного поведения⁸. Однако лишь изредка авторы анализируют взаимодействия бывших соперников и реакцию других членов группы на конфликты⁹.

Феномен внутригруппового примирения после конфликтов описан у многих видов приматов¹⁰. Сущность его состоит в восстановлении нарушенных в результате конфликта социальных связей между бывшими противниками.

До недавнего времени лишь в немногих исследованиях по социальному поведению детей рассматривалась проблема спонтанного примирения в постконфликтных ситуациях. Специальный анализ миролюбивых исходов конфликтов у дошкольников продемонстрировал важную роль примирительного поведения для восстановления социального равновесия¹¹. Была выделена большая категория примирительных элементов поведения, в том числе вербальные извинения, предложения дружбы, символическое обещание подарка и т.д. Примененные авторами методы отличались от используемых этологами-приматологами, что ограничивало возможности объективного сопоставления полученных данных в эволюционном аспекте. Например, основной недостаток работы С. Сэкина и Э. Телена состоял в отсутствии контрольных наблюдений, что не давало возможности количественно оценить и статистически подтвердить наличие феномена интенсификации дружелюбного поведения в постконфликтном периоде.

Между тем данные о поведении детей после ссоры до настоящего времени оставались противоречивыми. С одной стороны, материалы У. Макгрю как будто подтверждали гипотезу К. Лоренца и указывали на то, что ведущей мотивацией детей после конфликта является избегание контактов и пространственной близости с бывшим соперником¹². Работа Ф. и Дж. Страйера содержит прямо противоположные сведения: после столкновения дети часто мирно играют друг с другом и демонстрируют потребность в кооперации с бывшим противником¹³.

Необходимо добавить, что практически во всех исследованиях наблюдения проводили за группами, состоящими из детей разного возраста. Следовательно, важным фактором, влияющим на реакцию детей, выступал разный опыт социализма.

Таким образом, помимо разработки единой методики изучения постконфликтного поведения у детей необходимы были стандартизация условий проведения наблюдений

и сведение к минимуму числа факторов, которые оказывают прямое влияние на результаты социальных взаимодействий.

Эти обстоятельства определили цели нашего исследования: оценить роль разных форм агрессивного поведения в одновозрастной группе младших школьников, ее связь с другими формами активности и с качеством индивидуальных связей; с помощью разработанной этологами-приматологами методики проверить наличие феномена примирения у детей 6–7-летнего возраста и определить его связь с факторами пола и личных предпочтений.

Мы проверяли следующие гипотезы.

1. Существует общий фактор тесноты общения в группе, оказывающий однонаправленное влияние на интенсивность как агрессивных, так и дружественных взаимодействий между двумя конкретными детьми, а следовательно, между частотой антагонистических и дружественных взаимодействий будет наблюдаться положительная связь.

2. Феномен примирения присутствует в исследованной группе детей.

3. Существует связь между вероятностью примирения и качеством отношений в конкретных парах детей. В частности, можно предсказать, что дети, не поддерживающие между собой тесных дружеских отношений, расходуют всю или почти всю дружественную активность на примирение, тогда как у друзей доля примирительной дружественности в общем уровне дружественных отношений ниже.

4. Существует связь между вероятностью примирения и полом агрессоров и жертв. В однополых парах примирение происходит чаще.

5. Непосредственно после агрессивного столкновения у жертвы возникает повышенная мотивация к агрессии против третьей особи (переадресация).

6. Существует отрицательная связь между вероятностью дружественного контакта агрессора и жертвы в постконфликтном периоде, с одной стороны, и переадресацией агрессии жертвой на третье лицо – с другой. Примирение участников конфликта снижает вероятность переадресации агрессии.

Объекты и методы исследования

Осенью 1994 г. и зимой–весной 1995 г. по 3–4 раза в неделю с 11 до 12 ч проводили наблюдения за группой младших школьников – учащихся одной из московских средних школ, расположенной в районе новостроек. Возраст детей составлял 6–7 лет и колебался незначительно (в пределах полугода), что позволяет исключить возрастной фактор при анализе индивидуальных поведенческих различий.

Выбор объектов определили следующие обстоятельства: 1) дети этого возраста уже способны организовать длительные социальные взаимодействия со сверстниками без постоянного контроля и направляющей инициативы со стороны взрослых или старших по возрасту детей; 2) социальные отношения у них относительно стабильны, дети способны выделить среди сверстников друзей и недругов; 3) базовые нормы социального поведения, типичные для мира взрослых, уже частично освоены, и, следовательно, у участников конфликта могут наблюдаться социальные реакции, которые отражают особенности конкретной культуры; 4) в этом возрасте дети еще не могут контролировать свои эмоции и скрывать ведущие мотивации.

Последнее, как нам представляется, позволяет анализировать этологию конфликтных и постконфликтных взаимодействий в сравнительном аспекте, сопоставляя полученные результаты с данными других авторов по различным видам обезьян¹⁴.

Сбор материала осуществлялся методом фокального индивидуума¹⁵. Поведение каждого ребенка и его взаимодействия с другими детьми регистрировали 15 раз по 5 мин. Учитывали следующие типы поведения: 1) контактное дружественное – дети рассматривают предмет, находясь в тесном телесном контакте: держатся за руки, обнимаются, целуются, прикасаются друг к другу; 2) неконтактное дружественное – обращаются друг к другу в дружелюбном тоне, играют в подвижные или конструк-

тивные игры, не касаясь друг друга; 3) контактное агрессивное – толкают, бьют друга друга, дерутся (случаи игровой борьбы сюда не включались), бросают друг в друга предметы; 4) неконтактное агрессивное – угрожают друг другу, плюются, дразнят, бегают, преследуя друг друга, производят агрессивные демонстрации (замахиваются рукой, агрессивная мимика); 5) поддержка; 6) взаимопомощь; 7) защищают жертву агрессии; 8) дележ – предлагают игрушки, конфеты, книги и т.д.; 9) специальные примирительные действия – извинения, стишки-мирилки, адресованные бывшими противниками друг другу в целях восстановления нарушенных отношений; 10) утешение и успокаивание жертвы агрессии; 11) нейтральное поведение – пребывание или прохождение на расстоянии более 0,5 м от партнера без взаимодействия с ним; 12) демонстрации – привлечение внимания других словами или действиями типа прыжков, залезания на высокое место и т.д.; 13) «командование» – приказы, обращенные к другим; 14) индивидуальная игра.

Методы изучения примирения

Согласно подходу, предложенному Ф. де Валом и Д. Есихара, поведение одного из противников в постконфликтном периоде (далее – ПК) сопоставляется с его же поведением в сопряженном контрольном периоде (далее – СК) в то же время суток на другой день с целью оценить изменение уровня дружественных отношений после конфликта по сравнению с их «базовым уровнем». Для этого применяются методы сопряженных пар и распределения по времени¹⁶.

Согласно первому методу, каждое наблюдение в ПК вместе с соответствующим наблюдением в СК образуют пару, причем сравниваются число так называемых аттрактивных пар (далее – А-пар – тех, у которых первый дружественный контакт в ПК произошел раньше, чем в СК, и число дисперсных пар (далее – Д-пар) с обратным соотношением.

Согласно второму методу, парный принцип сохраняется, но сравнивается распределение времени первого дружественного контакта в ПК и СК не в пределах пар, а для группы в целом.

ПК-наблюдения длительностью 3 мин 15 с проводили непосредственно после окончания конфликта при условии, что в течение первых 30 с наблюдений конфликт не возобновлялся. СК-наблюдения такой же длительности проводили за бывшей жертвой агрессии на следующий день после конфликта. Если менее чем за 3 мин до начала СК ребенок участвовал в конфликте, наблюдения откладывали на 10 мин¹⁷. Как в ПК, так и в СК время наблюдения подразделялось на 13 интервалов длительностью по 15 с. Переадресацию агрессии жертвой на третье лицо регистрировали лишь в течение 1 мин после конфликта.

Достоверность различий между полами оценивали с помощью критерия Манна – Уитни, корреляцию между матрицами – с помощью метода случайных перестановок (их было сделано по 1000 в каждом случае).

Для оценки интенсивности примирения в группе Ф. де Вал и Д. Есихара предложили формулу $W = a/(a + d + n)$, где a – число А-пар; d – число Д-пар; n – число нейтральных (далее – Н-пар), у которых дружественные контакты не зафиксированы ни в ПК, ни в СК или же время первого такого контакта в ПК и СК одинаково¹⁸. Х. Венема с соавт. указал, что W зависит от базового уровня дружелюбных отношений ($B = 2d/(a + d + n)$), и предложил другую формулу: $V = (a - d)/(a + d + n)$ ¹⁹. Очевидно, однако, что V зависит как от B , так и от их суммы – общего уровня дружественных отношений в группе: $T = B + V = (a + d)/(a + d + n)$.

Это побудило нас ввести две новые меры, которые независимы от T и в сумме составляют 1. Первая из них – относительная мера базового уровня дружественных отношений: $F = B/T = 2d/(a + d)$, а вторая – относительная мера примирения: $R = V/T = (a - d)/(a + d)$. Таким образом, R измеряет долю собственно «примирительного» дружелюбия в общем уровне дружественных отношений. В отличие от прежних мер

(W и V) R может использоваться для сравнения уровня примирения в группах, различающихся по общему уровню дружественного поведения, тогда как F может служить показателем относительной роли дружбы в общем уровне дружественных отношений.

Индивидуальное интервьюирование

После проведения этологических наблюдений в конце учебного года было проведено индивидуальное интервьюирование с целью определить личностные дружеские ориентации и отношение к конфликтам и способам налаживания отношений с другими детьми после ссоры. Каждого ребенка попросили назвать трех самых близких друзей и ответить на ряд вопросов, позволяющих оценить личные потребности в примирении, выбор методов примирения в зависимости от качества исходных отношений с соперником: 1) кто должен мириться первым – тот, кто нападает, или тот, кого обижают; 2) если ты сам виноват в ссоре, будешь ли первым мириться; 3) если обидели тебя, станешь ли ты первым мириться; 4) с кем легче помириться – с другом или с тем, с кем не дружишь; 5) различаются ли при этом способы примирения; 6) вмешиваешься ли ты в ссору, чтобы защитить более слабого; 7) если твоего друга обижает тот, кто сильнее тебя, что ты станешь делать; 8) что сделают твои друзья, если кто-то обидел тебя; 9) как скоро ты миришься с соперником после ссоры?

Результаты исследования

Агрессия и ее связь с дружественным поведением

Матрицы контактной и неконтактной агрессии, полученные на основе суммарных данных по результатам фокальных наблюдений, представлены в табл. 1 и 2. Результаты показывают, что мальчики склонны применять контактную агрессию почти втрое чаще, чем девочки. Частота произведенной контактной агрессии в среднем на одного мальчика составляет $67,8 \pm 7,8$; на одну девочку – $24,0 \pm 3,2$ (согласно критерию Манна – Уитни, $U = 5$; $p < 0,002$). Пол жертв в отличие от пола агрессоров не оказывает влияние на частоту контактной агрессии (табл. 3). Половые различия по частоте неконтактной агрессии недостоверны.

По результатам перестановочных тестов выявлена достоверная положительная связь между агрессивным и дружественным поведением. Частота контактной агрессии обнаруживает достоверную положительную связь с частотой дружественного контактного поведения (табл. 4): для симметричных матриц (суммы произведенных и полученных действий) $R = 100878,25$, $p = 0$; для асимметричных матриц столь же достоверная связь обнаружена для каждого из четырех попарных сочетаний. Для диад с минимальной частотой дружественных контактов 0–1 частота агрессивных контактов равна $3,2 \pm 0,3$ ($n = 199$); для диад с 2–4 дружественными контактами – $5,1 \pm 0,7$ ($n = 46$); $X^2 = 20,1$; $d.f. = 4$; $p < 0,001$. Таким образом, между двумя последними классами отличия отсутствуют; при их объединении $X^2 = 17,0$; $d.f. = 1$; $p < 0,001$.

Высокодостоверной и положительной оказалась также корреляция между частотой контактной агрессии, с одной стороны, и конструктивной игры, тесной пространственной близости, а также дружественными предпочтениями по результатам опроса – с другой. Эти данные позволяют принять первую гипотезу.

Анализ частоты вмешательства третьего ребенка на стороне агрессора и жертвы не выявил достоверных различий (9 и 12 случаев соответственно).

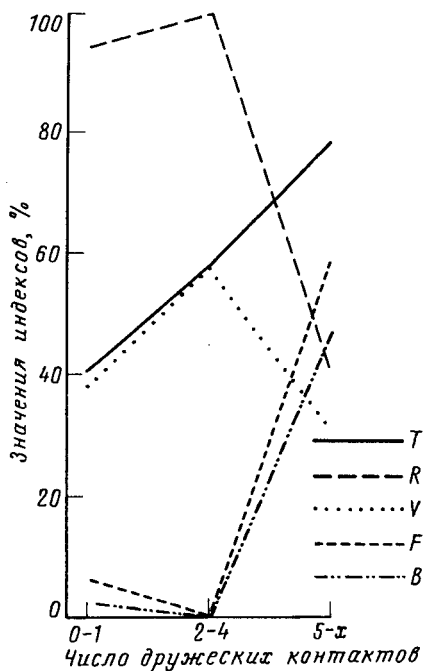

Рис. 1

Рис. 1. Значение индексов в зависимости от числа дружественных контактов. **T** – индекс общего уровня дружественных отношений; **R** – относительный индекс примирения; **V** – абсолютный индекс примирения (по Венема и соавт.); **F** – относительный индекс базового уровня дружественных отношений; **B** – абсолютный индекс базового уровня дружественных отношений. (Пояснения см. в тексте)

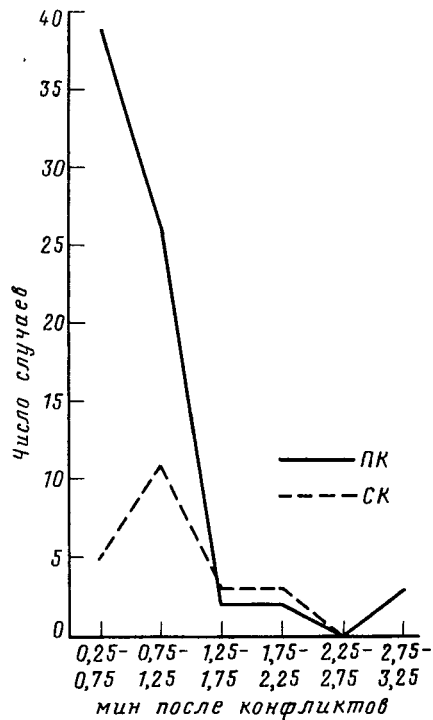

Рис. 2

Рис. 2. Распределение времени первого дружественного контакта **ПК** и **СК**. (Пояснения см. в тексте)

Постконфликтные взаимодействия Метод сопряженных пар

Всего было зафиксировано 175 случаев взаимодействий в **ПК** с соответствующим **СК**. Из них было исключено 15 случаев, когда в момент начала **СК** бывшие противники уже находились в дружественном взаимодействии. Среди оставшихся 160 имеется 76 А-, 11 Д- и 73 Н-пары (табл. 5, 6). Различия между числом А- и Д-пар высокодостоверны ($X^2 = 47,1$; $p < 0,001$). Итак, вторая гипотеза подтверждается: конфликты в данной группе приводят к существенному повышению вероятности дружественных контактов между бывшими противниками, а значит, феномен примирения можно считать доказанным. Достоверное превышение числа А-пар над числом Д-пар наблюдается и в каждом из четырех возможных типов диад в зависимости от пола агрессоров и жертв (мальчики – мальчики: 22 А- и 6 Д-пар; мальчики – девочки: 24 и 1; девочки – мальчики: 9 и 0; девочки – девочки: 21 и 4). Зависимости соотношения А- и Д-пар от сочетания пола агрессоров и жертв, а также от того, по чьей инициативе (агрессора или жертвы) произошел первый аффилиативный контакт после конфликта, не обнаружено (табл. 5).

В табл. 6 представлено соотношение пар разных типов в зависимости от уровня дружественных отношений. При возрастании тесноты дружеских связей индекс общего уровня дружественных отношений **T** неуклонно возрастает (рис. 1). Индексы базового уровня дружественных отношений близки к нулю при числе дружественных контактов не более 4 и резко возрастают при числе таких контактов от 5 и выше, т.е.

у близких друзей, причем относительный индекс F отражает эту тенденцию более четко, чем абсолютный индекс B . Абсолютный индекс примирения V колеблется неопределенно, тогда как относительный индекс R падает от почти 100% при числе дружественных контактов не более 4 до 39% у близких друзей.

Таким образом, подтверждается третья гипотеза: феномен примирения связан с качеством отношений между партнерами по конфликту – при отсутствии тесных дружеских связей (менее 5 контактов) вся или почти вся дружественная активность расходуется на восстановление нарушенных конфликтов «нейтральных» отношений, между тем как близкие друзья тратят на примирение менее половины этой активности. Соответственно «операциональным» критерием дружбы у детей в исследованной группе является число дружественных контактов 5 и выше. Среди 20 жертв, имевших хотя бы 1 дружественный контакт в ПК или СК с «недрузьями» (менее 5 дружественных контактов), лишь у одного ребенка зафиксировано участие в Д-паре, тогда как среди 14 жертв, имевших такие контакты с друзьями (5 и более дружелюбных контактов), отмечено 8 детей с Д-парами ($X^2 = 8,98$; $p < 0,01$).

Для исключения возможного эффекта единичных, значительно выделяющихся детей было сопоставлено соотношение числа А- и Д-пар для каждой из жертв. В 19 случаях из 22 количество А-пар было больше (согласно критерию знаков, $p < 0,001$), и, таким образом, сделанный ранее вывод о повышении вероятности дружественных отношений между бывшими противниками после конфликтов подтверждается.

Метод распределения по времени

Для оценки примирения этим методом первый временной интервал (0–14 с) был исключен, а последующие укрупнены вдвое (табл. 7, рис. 2). Огласно критерию Колмогорова – Смирнова, распределение частоты первого аффилиативного контакта по времени не обнаружило достоверных различий между ПК и СК для агрессоров и жертв по отдельности, однако при объединении данных различия оказались достоверными ($D_{\max} = 0,342$; $n = 6$; $p < 0,05$). Агрессоры выступают инициаторами первого дружественного контакта в ПК вдвое чаще, чем жертвы (40 из 21 соответственно; $p < 0,05$; табл. 5).

Согласно биномиальному критерию, частота первого дружественного контакта в ПК оказалась достоверно выше соответствующей частоты в СК в интервалах 15–44 с для агрессоров ($p < 0,001$) и жертв ($p < 0,01$) по отдельности и суммарно ($p < 0,001$), а также 45 с – 1 мин 14 с (для агрессоров и для суммарной выборки – $p < 0,05$). В целом число случаев первого дружественного контакта в ПК в интервале 15 с – 1 мин 14 с (65) в 4 раза выше соответствующего числа в СК (16). Эти различия высокодостоверны ($X^2 = 28,44$; $p < 0,001$). Таким образом, и данный метод подтверждает гипотезу о том, что бывшие противники обнаруживают повышенную мотивацию к дружественному общению после конфликтов.

Для исключения возможного эффекта значительно выделяющихся детей были сопоставлены частоты первого дружественного контакта в ПК и СК в названном выше интервале для каждой из 19 жертв. Для 17 из них частота в ПК оказалась выше (согласно критерию знаков, $p < 0,01$). Зависимости соотношения частот первого дружественного контакта в ПК и СК от пола агрессора или жертвы, а также от сочетания пола агрессоров и жертв не обнаружено (пол агрессора: $X^2 = 0,12$; пол жертвы: $X^2 = 0,45$; однополюе или разнополюе диады: $X^2 = 0,51$). Таким образом, четвертая гипотеза отвергается.

Переадресованная агрессия

Переадресация агрессии жертвой на третье лицо в ПК в интервале от 15 с до 1 мин 14 с отмечена в 29 случаях, тогда как агрессия со стороны той же жертвы, направленная на третье лицо (не обязательно того же ребенка), в СК, – в 11

($X^2 = 7,23$; $p < 0,01$). Это доказывает реальность феномена переадресации агрессии в данной группе (пятая гипотеза принимается). Анализ зависимости между восстановлением дружественных отношений агрессора и жертвы в ПК и переадресацией агрессии жертвой на третье лицо, показал, что из 31 случая, когда в течение 1-й мин после конфликта имела место переадресация агрессии, первый дружественный контакт с агрессором предшествовал ей или произошел одновременно с нею лишь в 5 случаях (16%). Вместе с тем из 144 случаев отсутствия переадресации дружественные контакты в течение 1-й мин в ПК имели место в 77 случаях (53%); $X^2 = 12,82$; $p < 0,001$. Таким образом, восстановление нарушенных конфликтом отношений агрессора и жертвы действительно снижает вероятность переадресации агрессии (шестая гипотеза принимается).

Индивидуальное интервьюирование

На первый указанный выше вопрос почти все дети ответили, что первым должен мириться тот, кто затеял ссору. Ответы на второй и третий вопросы в большинстве случаев были противоположными: 93% мальчиков и 75% девочек сообщили, что готовы мириться первыми, если они виноваты в конфликте, а если виновником был их соперник, то мириться должен он. Лишь один мальчик ответил, что мириться нужно независимо от того, кто виноват. Две девочки заявили, что не станут первыми мириться (по их словам, «унижаться») ни при каких условиях. Одна девочка ответила, что с друзьями она вообще не ссорится: «Я не дерусь с друзьями, друг – это хрупкая вещь. Может обидеться – и бросит дружить. А я боюсь без друзей остаться, у меня их не полные кошельки».

На первую часть четвертого вопроса все ответили, что легче помириться с другом. Большинство девочек (83%) и мальчиков (64%) сказали, что самый эффективный способ примирения с друзьями – предложение или обещание подарков (конфет, печенья, игрушек). Лишь несколько детей были готовы дарить подарки в знак примирения с детьми, с которыми они не дружат. Обычно же дети говорили, что с недрузьями можно мириться с помощью простого словесного извинения; по их словам, с ними допустимо и вовсе не соблюдать церемонии примирения, а просто делать вид, что ничего не произошло. Для словесного примирения дети использовали ритуализованное обращение «извини меня, я больше не буду» или детскую мирилку «миришь, мирись, мирись и больше не дерись, а если будешь драться, то я буду кусаться, а кусаться нам нельзя, потому что мы – друзья».

На пятый вопрос большинство детей (79% мальчиков и 67% девочек) уверенно ответили, что всегда следует вступаться за слабого. На шестой вопрос все ответили, что способны защищать друга, даже если агрессор сильнее их. Отвечая на седьмой вопрос, 86% мальчиков и 92% девочек сказали, что помимо непосредственных слов поддержки друзья обязательно заставят обидчика придти к пострадавшему и попросить прощения (мальчики в этой ситуации иногда говорили, что друзья обещают за них отомстить). На восьмой вопрос иногда дети называли заведомо преувеличенные сроки, говорили, что ждут день, а то и два–три и лишь потом мирятся (на самом деле, как показывают наши результаты, примирение обычно происходит очень быстро).

Обсуждение

Связь агрессии с дружественным поведением

К. Бьерквист с коллегами выделил следующие формы агрессии: прямые (физическую и вербальную) и не прямые (распространение сплетен о конкретном ребенке, принуждение других не играть с ним)²⁰.

Результаты нашего исследования были ориентированы только на анализ прямых форм агрессии (контактной и неконтактной). Достоверные расхождения в частоте

контактной агрессии у мальчиков и девочек согласуются с традиционными представлениями о гендерных различиях по этому фактору поведения²¹. По частоте неконтактной агрессии половые различия оказались недостоверными, что не позволяет говорить о большей склонности девочек к использованию угроз по сравнению с мальчиками. Такие выводы ни в коей мере не противоречат данным о достоверно более выраженном предпочтении вербальных форм агрессии у девочек²², поскольку наша категория неконтактной агрессии была гораздо шире и объединяла помимо вербальной агрессии другие типы угроз: позой, жестами, мимикой и т.п.

Полученная нами положительная корреляция между агрессией, с одной стороны, и дружельюбными контактами, выбором друзей (по данным опроса), конструктивной игрой, тесной пространственной близостью – с другой, указывает на существование общего фактора тесноты общения: дети, чаще проводящие время друг с другом и дружески общающиеся между собой, чаще ссорятся. Как свидетельствуют наши неопубликованные данные, речь скорее всего идет о факторе общей активности. Поскольку грубая игра не была включена нами в категорию агрессии, есть основания предполагать, что дети любят не только своих партнеров «по грубой игре»²³, но и – в более широком смысле – тех, с кем чаще всего общаются.

Согласно нашим неопубликованным данным, дети, максимально вовлеченные и в дружественные, и во враждебные отношения, будь они в качестве объектов или субъектов, являются лидерами. На противоположном полюсе оказываются дети, социально малоактивные и малововлеченные в социальные контакты.

Постконфликтные взаимодействия

Наряду с данными других исследователей, применивших к изучению реконсiliationи у детей сходный подход (П. Вербек, устное сообщение), полученные нами данные дают новую информацию о способах восстановления социальных связей после конфликтов у детей. Прежде всего можно считать достоверно доказанным присутствие феномена примирения у человека, по крайней мере у детей младшего школьного возраста, на 1-й мин после окончания конфликта. Таким образом, по этому показателю дети во многом сходны с другими высшими приматами.

Отношения детей к чужим малознакомым сверстникам или ученикам параллельного класса, по нашим наблюдениям, могут носить выраженно антагонистический характер и не сопровождаться проявлениями дружественного расположения. В отношении чужих детей не действуют правила примирения после конфликта, а следствием этого является уход одного из партнеров. Таким образом, предположение У. Макгрю оказывается справедливым применительно к детям, не являющимся членами одного коллектива²⁴.

Приматологические работы показывают, что у одних видов (бурые макаки, тонкинские макаки, шимпанзе) инициатором примирения может выступать жертва, а у других (макаки резусы, гусары) – агрессор²⁵. По предположению исследователей, это связано скорее всего с типом доминирования, типичным для каждого вида. У видов с жестким стилем доминирования подчиненные просто боятся подходить к доминантам. Следовательно, у них проявляемая агрессорами инициатива к примирению не свидетельствует о более низкой примирительной тенденции у жертв. Лишь у одного вида – карликовых шимпанзе – агрессоры значительно чаще, чем жертвы, инициируют примирение и активно «просят прощения» у пострадавшего в соответствии с выраженной эгалитарностью внутригрупповых отношений²⁶.

Наши данные однозначно свидетельствуют о том, что у человека (по крайней мере в детском возрасте) агрессор также может примиряться чаще жертвы. Причина подобной инициативы, как свидетельствуют наблюдения и опросы, вовсе не обусловлена страхом жертвы приблизиться к обидчику. Отношения в исследованной нами группе могут считаться эгалитарными. Причина, на наш взгляд, в чувстве вины у агрессора и стремлении восстановить утраченные социальные контакты. Возможно,

речь идет о культурном стереотипе, уже прочно зафиксированном в 6–7-летнем возрасте. От успешного усвоения этого правила могут во многом зависеть социальный успех ребенка и его социальный статус. Неслучайно, лидерами в группе, как правило, оказываются дети, которые умеют не только активно конкурировать и выигрывать в конфликтах, но и мириться и восстанавливать нарушенные социальные связи²⁷.

Как показывают наши результаты, у детей, поддерживающих тесные дружеские отношения, лишь немногим более трети аффилиации расходуется на восстановление нарушенных социальных связей. Согласно предлагаемому нами формальному (и соответственно легко применимому в практической работе) критерию, дружба в этом возрасте начинается с того уровня аффилиативных контактов, когда образуется «избыток» дружественной активности, не необходимой для примирения. Ниже этого уровня вся или почти вся дружественная активность расходуется на восстановление контактов.

Как ни парадоксально, у друзей тенденция к примирению оказывается минимальной, возможно, по той причине, что их связи достаточно прочны и их восстановление требует меньших усилий. Эти данные в определенной степени перекликаются с экспериментальными результатами М. Кордс и Ф. Аурели. Они показали, что у обезьян родственники могут примиряться реже, чем неродственные особи, по той причине, что неродственные социальные связи более хрупки и для их восстановления необходимы постоянные усилия²⁸. Вместе с тем, как показывают наблюдения и опросы, у детей при примирении с друзьями используются более интимные и эффективные способы: подарки, объятия, поцелуи и др.

Феномен переадресации агрессии жертвой достоверно прослеживается в изученной группе детей. Как мы установили, вероятность переадресации после примирения бывших противников снижается.

Анализ индивидуальных опросов обозначил явную тенденцию завывать время, необходимое для примирения, и позволил определить основную мотивацию, связанную с таким ответом. В 6–7-летнем возрасте дети начинают оценивать свои действия в категориях чувства собственного достоинства, нежелания унижаться, признавать ошибки, проявлять слабость. Возможно, по мере взросления именно эти ориентации одержат верх и в более старшем возрасте феномен примирения на первой минуте после конфликта будет проявляться менее выражено, а в разрешении конфликтов возрастающую роль будут играть не бессознательные мотивации, а регламентированные конкретной культурой правила. Их зарождение отрабатывается в детской культуре в форме предложения подарков, ритуализированных словесных извинений и отработки правил поведения бывших противников (кто должен мириться первым и как должны вести себя друзья жертвы). Так, было замечено, что частота предложения подарков другому ребенку повышается непосредственно после агрессивных столкновений с ним²⁹, а использование специальных стишков-мирилок описано во многих культурах.

Отсутствие половых различий в практике примирения может быть связано с возрастом детей, а может и отражать особенности конкретного социального коллектива или конкретной культуры. Для ответа на эти вопросы необходимы дальнейшие исследования.

Выводы

1. Выявлен фактор общей активности, положительно влияющий на интенсивность как агрессивных, так и дружественных взаимодействий между двумя конкретными детьми. Дети, чаще проводящие время вместе и дружески общающиеся между собой, чаще ссорятся друг с другом.

2. Феномен примирения достоверно присутствует в исследованной группе детей; примирение происходит преимущественно на первой минуте после конфликта и, по

всей видимости, является отражением универсальной мотивации к восстановлению социального равновесия, унаследованной человеком от приматных предков и сохранившейся на этом этапе онтогенеза. В процессе дальнейшей социализации эта мотивация становится менее заметной, так как замещается специфическими, характерными для конкретной культуры ритуалами.

3. Существует связь между вероятностью примирения и качеством отношений в конкретных парах детей. Мы предлагаем формализованный критерий для определения понятия «дружба»: в раннем школьном возрасте дружба начинается с того уровня положительных контактов, когда образуется «избыток» дружественной активности, не необходимой для примирения. Ниже этого уровня вся или почти вся дружественная активность расходуется на восстановление контактов.

4. Зависимость между вероятностью примирения и полом агрессоров и жертв в ходе данных исследований не обнаружена.

5. Феномен переадресации агрессии жертвой достоверно прослеживается в изученной группе детей. Примирение участников конфликта снижает вероятность переадресации агрессии.

6. Возможно, с возрастом феномен примирения на первой минуте после конфликта будет размываться, а в разрешении конфликтов все большую роль будут играть правила, регламентированные конкретной культурой.

Примечания

¹ Алексеева Л.В. Полицикличность размножения у приматов и антропогенез. М., 1977; Асмолов А.Г. Психология личности. М., 1990; Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. У истоков человеческого общества. М., 1993; Войтонис Н.Ю. Предыстория интеллекта. М.; Л., 1949; Семенов Ю.И. Предпосылки становления человеческого общества // История первобытного общества. Общие вопросы. М., 1983. С. 228–292; Тих Н.А. Предыстория общества. Л., 1970; Эрман Л., Парсонс П. Генетика поведения и эволюция. М., 1984; Tishkov V. Ethnicity, nationalism and conflict in and after the Soviet Union. L., 1997.

² Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. Указ. раб.

³ Бутовская М.Л., Плюснин Ю.М. Принципы организации пространственного поведения у человека и высших приматов (сравнительный анализ) // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М., 1995. С. 91–143.

⁴ Lorenz K. Das sogenannte Boese. Vienna, 1963.

⁵ Waal F.B. de, Ren R. Comparison of the reconciliation behavior of stump-tail and rhesus macaques // Ethology. 1988. V. 78. P. 129–142; Waal F.B. de. Reconciliation among primates: A review of empirical evidence and unresolved issues // Primate Social Conflict. N.Y., 1993. P. 111–114.

⁶ Blurton-Jones N. Categories of child-child interaction // Ethological Studies of Child Development. Cambridge, 1972. P. 97–127; Dodge K.A., Price J.M., Coie J.D., Christopoulos C. On the development of aggressive dyadic relationships in boys' peer group // Human Develop. 1990. V. 33. P. 260–270; Hold-Cavell B. Showing-off and aggression in young children // Aggres. Behav. 1985. V. 11. P. 303–314; Smith P.K. Ethological approaches to the study of aggression in children // Human Aggression: Naturalistic Approaches. L., 1989. P. 65–93.

⁷ Attili G. Aggression in young children – introduction: some methodological issues related to the nature of aggression // Aggres. Behav. 1985. V. 11. P. 279–281; Hold-Cavell B. Op. cit.; McGrew W.C. An Ethological Study of Children's Behaviour. L., 1972.

⁸ Smith P.K., Connolly K. The Ecology of Preschool Behaviour. Cambridge, 1980.

⁹ McGrew W.C. Op. cit.; Strayer F.F., Strayer J. An ethological analysis of social agonism and dominance relations among preschool children // Child Develop. 1976. V. 47. P. 980–989; Grammer K. Intervention in conflicts among children: Contexts and consequences // Conflicts and Alliances in Humans and Other Animals. Oxford, 1992. P. 260–283.

¹⁰ Waal F.B. de, Yoshihara D. Reconciliation and redirected aggression in rhesus monkeys // Behaviour. 1983. V. 85. P. 224–241; Aureli F., Schaik C.P. van, Hooff J.A. van. Functional aspects of reconciliation among captive long-tailed macaques (*Macaca fascicularis*) // Amer. J. Primatol. 1989. V. 19. P. 35–51.

¹¹ Sackin S., Thelen E. An ethological study of peaceful associative outcomes to conflict in preschool children // Child Develop. 1984. V. 55. P. 1098–1102.

¹² McGrew W.C. Op. cit.

¹³ Strayer F.F., Strayer J. Op. cit.

¹⁴ Aureli F., Schaik C.P. van, Hooff J.A. van. Op. cit.

- ¹⁵ *Altmann J.* Observational study of behavior: sampling methods // *Behaviour*. 1974. V. 49. P. 227–267.
- ¹⁶ *Waal F.B. de, Yoshihara D.* Op. cit; *Aureli F., Schaik C.P. van, Hooff J.A.* Op. cit.
- ¹⁷ *Aureli F., Das M., Verleur D., Hooff J. van.* Postconflict social interactions among barbary macaques (*Macaca sylvanus*) // *Int. J. Primatol.* 1994. V. 15. P. 471–484.
- ¹⁸ *Waal F.B. de, Yoshihara D.* Op. cit.
- ¹⁹ *Veenema H.C., Das M., Aureli F.* Methodological improvements for the study of reconciliation // *Behav. Proces.* 1994. V. 31. P. 29–38.
- ²⁰ *Bjorkqvist K.L., Lagerspetz K.M., Kaukianen A.* Do girls manipulate and boys fight? Developmental trends in regard to direct and indirect aggression // *Aggres. Behav.* 1992. V. 18. P. 117–127.
- ²¹ *Hinde R.A., Tamplin A., Barrett J.* Gender differences in the correlates of preschoolers' behaviour // *Sex Roles*. 1993. V. 28. P. 1–16; *Tieger T.* On the ethological basis of sex differences in aggression // *Child Develop.* 1980. V. 51. P. 943–963.
- ²² *Rivers I., Smith P.* The types of bullying behaviour and their correlates // *Aggres. Behav.* 1994. V. 20. P. 359–368.
- ²³ *Humphreys A.P., Smith P.K.* Rough-and-tumble, friendship, and dominance in schoolchildren: Evidence for continuity and change with age // *Child Develop.* 1987. V. 58. P. 201–212.
- ²⁴ *McGrew W.C.* Op. cit.
- ²⁵ *Waal F.B. de, Ren R.* Op. cit; *York A.D., Rowell T.E.* Reconciliation following aggression in patas monkeys, *Erythrocebus patas* // *Animal Behav.* 1988. V. 36. P. 502–509; *Judge P.G.* Dyadic and triadic reconciliation in pigtail macaques (*Macaca nemestrina*) // *Amer. J. Primatol.* 1991. V. 23. P. 225–237; *Gust D., Gordon T.* Conflict resolution in sooty mangabeys // *Animal Behav.* 1993. V. 46. P. 685–694.
- ²⁶ *Waal F.B. de.* Op. cit.
- ²⁷ *Montagner H., Restoin A., Henry J.C.* Biological defense rhythms, stress, and communication in children // *Rev. Child Develop. Res.* V. 6. 1982. P. 291–319.
- ²⁸ *Cords M., Aureli F.* Patterns of reconciliation among juvenile long-tailed macaques // *Juvenile Primates*. N.Y., 1993. P. 271–284.
- ²⁹ *Schropp R.* The offering of the objects as an appeasement gesture – Evidence for the indirect expression of dominance relations // Paper presented at the conference on multidisciplinary approaches to conflict and appeasement. *Int. Soc. Res. Aggression*. Parma, 1985.

Таблица 1

Контактная агрессия в группе детей 6-7-летнего возраста (парные взаимодействия)

	ББ	БД	ГС	ЗМ	ИС	КА	КВ	КС	ЛС	МВ	НП	СВ	СИ	АТ	БГ	БО	КЗ	КМ	КН	ЛМ	МА	СА	Сф	ФМ	ХЮ
ББ	-	1	0	1	9	2	3	1	2	0	9	0	0	0	2	10	0	1	0	0	2	15	5	2	11
БД	0	-	1	11	5	1	2	5	2	3	2	4	14	0	1	1	2	0	0	0	6	0	3	0	0
ГС	1	0	-	1	4	0	2	1	0	5	2	1	0	1	0	0	0	0	0	2	4	0	2	0	2
ЗМ	2	4	1	-	6	8	14	14	6	10	11	1	2	4	3	6	0	0	7	1	6	3	1	6	4
ИС	1	2	0	0	-	3	3	1	0	2	6	0	17	0	5	2	0	1	0	0	3	5	0	1	6
КА	0	0	0	1	11	-	9	0	2	1	2	1	8	2	0	0	0	0	3	0	0	3	0	1	1
КВ	3	3	2	3	0	8	-	15	4	10	8	7	0	1	13	10	1	0	6	0	3	4	0	2	1
КС	0	3	0	14	1	0	15	-	4	0	5	1	8	0	1	1	2	1	0	0	0	0	0	0	0
ЛС	1	3	0	7	1	0	4	1	-	0	4	2	8	0	4	2	0	0	0	0	1	2	0	1	1
МВ	1	1	0	9	0	1	4	0	2	-	1	2	7	0	0	0	0	0	0	5	4	1	0	0	0
НП	2	2	1	4	2	6	1	1	4	1	-	1	1	4	1	5	0	1	9	2	6	6	1	2	1
СВ	3	12	0	3	0	6	7	3	9	10	2	-	4	4	2	3	0	0	11	0	11	6	1	2	3
СИ	0	3	1	0	3	0	1	2	4	14	1	3	-	4	3	12	0	0	3	3	2	8	0	8	10
АТ	3	0	1	1	0	1	1	0	0	0	3	1	1	-	2	1	0	0	1	0	4	0	1	3	1
БГ	1	0	0	2	2	0	1	0	0	1	0	1	2	0	-	3	1	2	1	0	0	0	0	0	0
БО	2	1	0	2	2	0	0	0	1	3	4	0	2	0	4	-	1	0	2	0	0	0	1	2	0
КЗ	2	3	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	-	1	0	0	5	0	0	0	3
КМ	1	0	0	0	2	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	1	4	-	0	0	7	0	1	0	0
КН	0	0	0	0	1	0	0	0	1	1	0	1	0	0	2	3	0	0	0	-	5	2	2	1	4
ЛМ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	7	0	0	7	0	0	0	0	0	0	-	0	1	0	0	0
МА	1	7	0	1	2	0	4	0	4	4	3	0	1	4	1	0	4	3	7	0	-	2	2	1	2
СА	0	2	0	1	2	2	0	0	5	2	1	2	0	1	3	1	0	0	2	3	1	-	2	4	3
Сф	0	2	4	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	1	2	1	1	0	1	0	2	2	-	1	5
ФМ	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0	3	0	2	0	0	2	0	0	5	0	-	2
ХЮ	5	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	2	1	1	0	2	0	2	0	0	0	-

Неконтактная агрессия в группе детей 6-7-летнего возраста (попарные взаимодействия)

	ББ	БД	ГС	ЗМ	ИС	КА	КВ	КС	ЛС	МВ	НП	СВ	СИ	АТ	БГ	БО	КЗ	КМ	КН	ЛМ	МА	СА	Сф	ФМ	ХЮ
ББ	-	0	0	1	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0	2	0	0	0	0	1	0	0
БД	2	-	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
ГС	0	0	-	1	2	0	1	0	0	0	2	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
ЗМ	0	1	0	-	0	1	4	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0
ИС	0	0	0	2	-	2	2	0	1	2	0	0	1	0	1	2	0	1	0	0	0	0	0	0	0
КА	0	0	0	0	0	-	5	0	0	1	1	0	2	2	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
КВ	0	0	0	1	0	1	-	0	0	2	1	3	1	0	3	0	1	0	0	0	2	1	0	0	1
КС	0	3	1	1	0	0	2	-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0
ЛС	0	0	0	0	0	0	0	0	-	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0
МВ	0	0	0	1	0	3	1	0	0	-	2	1	5	0	1	1	0	0	0	1	2	2	2	1	0
НП	0	0	0	3	0	1	1	0	0	0	-	0	0	2	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
СВ	0	0	0	0	0	0	4	0	0	3	1	-	0	0	0	1	0	0	0	0	2	0	1	0	1
СИ	0	1	0	1	1	0	2	4	7	5	1	1	-	0	2	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1
АТ	4	0	0	2	1	1	0	0	0	1	5	1	3	-	1	0	0	0	0	0	2	0	0	1	0
БГ	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	1	1	0	0	0	0	0	0
БО	2	1	0	0	1	0	0	0	1	0	1	0	1	0	1	-	0	0	0	0	3	0	1	2	1
КЗ	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	3	0	0	0	0	0	0	1
КМ	0	0	3	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	6	-	0	0	0	0	0	0	0
КН	1	1	0	0	1	0	2	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	0	4	2	0	0	0
ЛМ	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	0	3	0	0	0
МА	0	0	0	0	0	0	2	0	0	1	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	-	0	0	1	1
СА	2	0	0	0	1	4	1	0	3	1	0	0	0	1	1	1	0	0	0	0	0	-	1	3	0
Сф	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0	-	0	0
ФМ	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0	1	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	-	0
ХЮ	1	0	0	0	1	2	2	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	2	0	0	0	0	0	-

Средняя частота контактной агрессии у разных категорий участников, приходящаяся на одну диаду

Код категории	Агрессор – жертва	Частота	Сигма	Различия между категориями (значения критерия X^2)
A	м. – м.	3,42	3,95	A–B: 5,43 (недостаточно); A–C: 47,83 ($p < 0,001$); A–D: 25,84 ($p < 0,001$) B–C: 23,42 ($p < 0,001$); B–D: 11,50 ($p < 0,01$) C–D: 6,11 ($p < 0,05$) Итого: 61,35 ($p < 0,001$)
B	м. – д.	2,22	3,10	
C	д. – м.	0,85	1,41	
D	д. – д.	1,19	1,55	

Примечание. Для оценки различий между категориями частота контактной агрессии разбивалась на три класса: 0–1; 2–4; 5 и более случаев ($df. = 2$). М. – мальчик, д. – девочка.

Дружелюбные контактные взаимодействия в группе детей 6–7-летнего возраста (парные взаимодействия)

	ББ	БД	ГС	ЗМ	ИС	КА	КВ	КС	ЛС	МВ	НП	СВ	СИ	АТ	БГ	БО	КЗ	КМ	КН	ЛМ	МА	СА	Сф	ФМ	ХЮ
ББ	–	0	5	4	1	8	0	1	1	1	2	0	3	1	2	0	0	1	0	0	0	1	0	0	5
БД	0	–	0	0	0	0	0	6	1	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0
ГС	3	2	–	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	1	2	0	0	0	1	5	2	0	1	0	0
ЗМ	2	0	2	–	1	6	1	0	1	2	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
ИС	3	3	0	0	–	7	1	0	3	0	1	0	1	0	5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
КА	2	0	11	1	4	–	0	0	2	0	4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
КВ	0	0	0	4	0	0	–	0	0	2	0	1	0	0	1	0	0	0	0	2	1	0	0	0	0
КС	0	8	0	0	0	0	2	–	12	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
ЛС	3	0	0	0	2	1	0	9	–	0	2	3	4	0	3	1	0	0	0	2	0	1	0	0	0
МВ	2	1	0	0	0	0	0	0	1	–	0	3	0	0	0	0	0	0	1	1	2	0	0	0	0
НП	0	2	0	1	2	6	0	0	2	1	–	0	7	0	2	1	0	2	0	0	1	0	0	2	0
СВ	0	0	2	2	0	0	0	1	1	3	0	–	1	0	1	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0
СИ	1	0	1	0	0	2	0	0	1	0	4	2	0	–	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
АТ	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	–	1	0	0	0	4	0	4	1	3	0	0
БГ	0	0	0	0	0	0	1	0	2	1	0	1	1	0	–	3	0	1	11	0	1	6	0	2	7
БО	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	1	0	0	0	6	–	5	1	3	0	3	3	1	3	4
КЗ	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	–	7	1	0	0	0	0	0	1
КМ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	2	4	–	0	0	0	1	0	0	1	1
КН	2	1	0	0	0	0	0	0	0	3	1	0	0	1	5	1	0	–	0	3	4	0	0	1	5
ЛМ	0	0	0	0	0	0	1	0	1	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	–	0	0	0	0	0
МА	2	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	1	4	1	2	3	4	0	–	12	4	3	0
СА	1	0	0	0	0	2	0	0	2	2	2	0	0	1	1	2	1	0	4	7	4	–	1	5	10
Сф	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5	0	3	2	0	1	0	10	3	–	0	3
ФМ	1	0	0	0	2	0	0	0	0	1	1	0	0	4	4	5	0	0	5	0	4	19	1	–	10
ХЮ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	3	0	3	2	5	0	1	0	1	0	3	–	–

Примирение после конфликтов в группе у детей

Основные показатели примирения после конфликтов в группе

Метод сопряженных пар	
общее число пар	160
число А-пар	76
число Д-пар	11
число Н-пар	73
процент А-пар*	87,2
Первый дружественный контакт в ПК	
по инициативе агрессора	47
из них А-пар	44
по инициативе жертвы	28
из них А-пар	26
Метод распределения по времени	
Число примирений в интервале	
от 15 с до 1 мин 15 с	61
Из них по инициативе:	
агрессора	40
жертвы	21
χ^2	5,31
p	0,05
Число примирений в интервале от 15 с до 3 мин 15 с	69
Из них по инициативе	
агрессора	44
жертвы	25
χ^2	4,70
p	0,05

* Процент А-пар вычислялся как отношение их числа к сумме А- и Д-пар. Пояснения см. в тексте.

Примечание. А-пара – аттрактивная пара; Д-пара – дисперсная пара; Н-пара – нейтральная

Таблица 6

Соотношение числа А-, Д- и Н-пар в зависимости от уровня дружелюбных отношений

Число ДК	Число А-пар	Число Д-пар	Число Н-пар	Общее число пар	В	V	T	F	R
0–1	33	1	50	84	2,4	38,1	40,5	5,9	94,1
2–4	19	0	14	33	0	57,6	57,6	0	100,0
5–X	23	10	9	42	47,6	31,0	78,6	60,6	39,4
Итого	75	11	73	159	13,8	40,3	54,1	25,6	74,4

Примечание. ДК – дружественные контакты. Исключена пара, включающая мальчика, для которого не был собран фокальный материал. В – абсолютный индекс базового уровня дружественных отношений; V – абсолютный индекс примирения; T – индекс общего уровня дружественных отношений; F – относительный индекс базового уровня дружественных отношений; R – относительный индекс примирения. При подсчете В, V и T из числа Н-пар исключены те, в которых время до первого дружественного контакта в ПК и СК было одинаковым. Пояснения см. в тесте.

Частота первого affiliативного контакта в постконфликтном периоде и в контроле в зависимости от времени после конфликта или после начала контрольного наблюдения

Начало интервала	Первый контакт по инициативе					
	агрессора		жертвы		суммарно	
	PC	MC	PC	MC	PC	MC
15 с	26	3***	12	1**	39	5***
45 с	14	4*	9	5	26	11*
1 мин 15 с	1	2	1	0	2	3
1 мин 45 с	1	1	1	0	2	3
2 мин 15 с	0	1	1	0	1	1
2 мин 45 с	2	2	1	1	3	3

* $p < 0,05$.

** $p < 0,01$.

*** $p < 0,001$.

M.B. Butovskaya, A.G. Kozintsev. Aggression and Reconciliation among School Junior (Ethological Analyses of Social Tension Control Mechanisms in Human Groups)

The article stresses that the theme of aggression and conflicts – is one of the most debatable in sciences of human. The authors had the aim to show the possibilities of ethological way of analysis of conflicts and their solving in internal interaction in collective.